

Вероятное будущее глобализирующегося капитализма: рентное общество

© Кондрашов П. Н.

© Kondrashov P.

Вероятное будущее глобализирующегося капитализма: рентное общество

The probable future of globalizing capitalism: a rental society

Аннотация. В ходе размышлений над монографией «Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии» [2] рассмотрены факторы и условия перехода от социального государства и общества массового труда к «рентному» типу общества. Основные причины этого перехода — исчерпание ресурсов в мировом масштабе и технологическое замещение человека, что ведет к росту социальных групп, живущих на различные формы «ренды» (пособия, льготы, доплаты и т. д.), в то время как в производстве богатств участвует все меньше людей. Анализируются возможные сценарии дальнейшего развития. Показаны наиболее существенные недочеты монографии: диверсифицированное понимание понятия «рента», слишком широкое понимание субъектов ренты и неправомерная экстраполяция рентных отношений на всю историю человечества (рентный презентизм).

Annotation. The article presents the author's reflections on the monograph "Rental society". The factors and conditions of the transition from the social state and the society of mass labor to the "rent" type of society are considered. The main reasons for this transformation are the exhaustion of resources on a global scale and the technological replacement of man, which leads to the growth of social groups living on various forms of "rent" (allowances, benefits, surcharges, etc.), while fewer and fewer people participate in the production of wealth. Possible scenarios of further development are analyzed. The most significant shortcomings are shown: diversified understanding of the concept of "rent", too broad understanding of the subjects of rent, illegal extrapolation of rental relations for the entire history of mankind (rental presentism).

Ключевые слова. Рентное общество, социальное государство; естественное государство, технологическое замещение, общество труда, исчерпание ресурсов, социальное неравенство, прекариат, «лишние люди», рентный презентизм, общество благ и привилегий.

Key words. Rent society, social state, natural state, technological substitution, labor society, exhaustion of resources, social inequality, precariat, "extra people", rental presentism, society of benefits and privileges, neo-feudalism.

Мыслью о том, что мы живем в особую эпоху радикальных и почти молниеносных перемен, уже не удивить. И речь идет не только о коронавирусе, не только о глобальном изменении климата, но и о не менее фундаментальных преобразованиях в самом основании нашего мира — *глобальном капитализме*. Под воздействием различных факторов капитализм постоянно изменяется, превращаясь в *поздний* (Э. Мандель, Ф. Джеймисон), *постиндустриальный* (А. Турен, Вл. Иноземцев, Д. Котц, Дж. Хенрикс), *когнитивный* (А. Горц, Э. Руллани), *коммуникативный* (Дж. Дин), *глобальный* (А. Бузгалин), обнаруживая себя в виде *безработного* капитализма (У. Бек), капитализма *платформ* (Н. Срничек) и *технокапитализма* (Л. Суарес-Вилла), *постфордизма*

КОНДРАШОВ Петр Николаевич — старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (г. Екатеринбург), доктор философских наук.

(Д. Гартман, К. Кумар) и даже *пост-капитализма* (П. Мэйсон, Д. Давыдов); вчера еще *прогрессивный* (Дж. Стиглиц), а сегодня уже — *катастрофический* (Дж. Б. Фостер)...

И вот на фоне всего этого многообразия открыт совершенно неожиданный вектор развития капитализма — *рентное общество*. Выявили и проанализировали это новое измерение известные политологи из Института философии и права УрО РАН Л. Фишман, В. Мартьянов и Д. Давыдов, представив свое открытие в виде одноименной монографии.

Ее важная особенность — возрождение *политэкономического* подхода к анализу современного общества в отличие от господствующего ныне подхода, основанного на *ecopotics*. Если в рамках политэкономии изучаются все (экономические, технические, технологические, социальные, демографические, политические) условия процесса материального воспроизводства общественного бытия, а также моральные репрезентации этого бытия в сознании людей [5. Р. 3—9], то в *ecopotics* все этико-социальные и культурно-исторические компоненты элиминированы. Но именно эти *не экономические* (а исторические, политические, социологические, этические, религиоведческие, культурологические, антропологические) аспекты в их *историческом развитии* как раз и важны для авторов рецензируемой монографии.

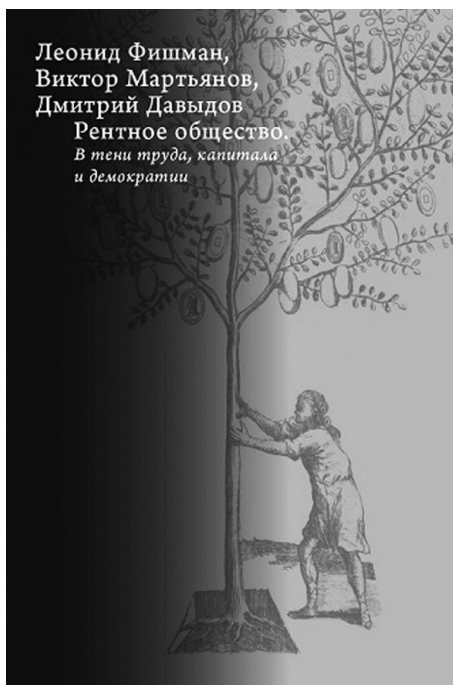
Имманентная логика становления рентного общества

С точки зрения авторов, после Второй мировой войны на основе кейнсианской модели капитализма и влияния советских практик из недр фордистского общества в западных странах сформировалось *государство всеобщего благоденствия*, которое по своему существу было *социальным, демократическим и эгалитарным*. Базисными основаниями этого общества открытого типа были четыре фактора:

— *ресурсная обеспеченность* стран центра капиталистической мироресурсной системы, что было прямо связано с эксплуатацией природы и трудовых ресурсов стран полупериферии и периферии и мировым неравенством [2. С. 98];

— «фактически модель государства всеобщего благосостояния на Западе была успешна только в условиях глобальной технологической мо-

Фишман Л. Г., Мартьянов В. С.,
Давыдов Д. А. Рентное общество.
В тени труда, капитала и демократии.
М. : ИД ВШЭ, 2019. 416 с.

нополии, когда остальной мир представлял рынки сбыта и источники сырья» [2. С. 98—99];

— это общество за счет обеспеченности сырьевой базой и почти полной индустриализации в наиболее развитых капиталистических странах было связано с *массовым трудом* в промышленности и сельском хозяйстве;

— в силу этого данное общество характеризовалось *экономическим ростом*, и, соответственно, здесь работала *производительная модель капитализма*, когда *экономический рост и увеличение трудовых доходов населения (g)* преобладали над *темпами накопления капитала (r)*: $g > r$ [2. С. 86].

Такое положение дел детерминировало и соответствующую социальную структуру, которая, с одной стороны, воспроизводила классическую классовую стратификацию (буржуазия/трудящиеся), а с другой — поскольку имел место *рост* доходов и улучшение быта *всех* групп населения, — опиралась на *обуржуазивание* значительной части рабочего класса, интеллигенции, фермеров (происходило *сокращение социального неравенства*).

Стабилизирующим и цементирующим в этой структуре стал постоянно растущий *средний класс*, который оказывался *социально обеспеченным* и в силу этого *политически лояльным*. Росли многообразные формы социальной мобильности, расширялись политические и экономические права и свободы, становились более доступными образование и здравоохранение. В этот период *реально* действовали демократические институты, ибо широкие массы населения как активные *субъекты* действительно участвовали в политике. Несмотря на наличие социальных противоречий, стационарной безработицы, расовой сегрегации, наиболее опасные социальные группы так или иначе были обеспечены разного рода пособиями, выплатами, льготами.

Эти экономические и социально-политические условия детерминировали своеобразную трудовую мораль, согласно которой сначала надо *трудиться*, чтобы *заработать*, а уж потом *наслаждаться*. Ее элементы частью связаны и с *протестантской этикой*, и со *старым духом капитализма*, и с социалистическими идеями *права на труд*.

Однако в конце 1970-х гг. началось *свертывание* социального государства *по всем направлениям*. Авторы, рассматривая это явление в связи с глобализационными процессами, выделяют следующие его причины:

— обнаружилась *исчерпанность ресурсов в мировом масштабе*. Механизмы инфраструктурной ренты [2. С. 95], посредством которых поддерживались и обеспечивались социальная стабильность, относительное равенство, рост доходов в странах центра, перестают действовать;

— ресурсная эксплуатация стран периферии и полупериферии постепенно сходит на нет, что связано и с крахом колониальной системы, и с упомянутой ресурсной исчерпанностью;

— в связи с этим, а также в связи с ростом постиндустриального производства и сферы услуг, постфордистских тенденций, компьютеризации и цифровизации экономики, начинается *техническое замещение*

живой рабочей силы, т. е. происходит постепенное *сокращение массового труда*; все меньшая часть трудоспособного населения принимает участие в создании национального богатства, а большая часть превращается в социальные слои, живущие на разного рода «ренды»;

— мировая экономика вступает в фазу стагнации и даже спада; экономический рост прекращается не только в странах периферии, но и в странах центра: «В исторической перспективе глобальная рентная модель капитализма усиливается, так как *прибыль на капитал* (r) начинает превышать общие *темпы экономического роста* (g), что выражается формулой $r > g$ » [2. С. 86].

Соответственно этому трансформируются социально-политические структуры. «В *обществе сокращающегося труда* наблюдается постоянное и повсеместное расширение безработицы, которую все сложнее будет компенсировать с помощью модели *социального государства*, рассчитанной на экономический рост. Все большее количество людей оказывается вне глобальных производственных цепочек в мироэкономике. Оплата рентных компенсаций растущей массы *нерентабельного населения* через механизмы социального государства становится все более серьезной нагрузкой для национальных бюджетов» [2. С. 169].

В этих новых социально-экономических условиях государству и высшей элите приходится *лавировать* между различными социальными группами, требующими *все большие рент, льгот, подачек, преференций, привилегий как чего-то само собой разумеющегося*. Особенно это лавирование касается опасных, потенциально протестных групп безработных, прекариата, «лишних людей», необеспеченной молодежи.

В этой ситуации единственным активным политическим *субъектом* становится усиливающееся *недемократическое и негалитарное государство*, занимающееся распределением рент различным социальным группам: одних оно назначает достойными той или иной ренты, приближает к «кормушке», других этих рент лишает, «отлучает от благодати». Недолго просуществовавшее социальное государство снова трансформировалось в государство *естественное*, «раздающее привилегии и ренты в основном имущим классам» [2. С. 53].

Социальная структура меняется радикально. Во-первых, исчерпание ресурсов и элиминация инфраструктурных глобальных экономических преимуществ резко *сокращает массовый труд* в странах центра. Появляются новые ведущие социальные группы (креативный класс, технократия, резко увеличивающиеся в числе работники сферы услуг, IT-труженики), появляются и новые формы занятости (фрилансеры, удаленная работа, проектные сообщества). *Сокращение доходов у всех групп населения* (кроме небольшой высшей элиты) усиливает социальное расслоение. Это ведет к появлению новых *опасных классов*: постоянно и временно *безработных, прекариата, «лишних людей»*, «которые требуют все больших объемов ренты для поддержания своей жизнедеятельности» [2. С. 70].

В этих условиях расцветает новая — антитрудовая, рентная, попрошайническая и паразитическая (пусть и объективно вынужденная) —

мораль, основанная на восприятии привилегий, рент, льгот, пособий как чего-то *естественного*. Ее суть: не хочу работать, но хочу жить достойно, — а значит, *государство обязано* мне эту жизнь обеспечить уже потому, что я *полноправный гражданин* этого государства. Сегодня *граждане* получают свои привилегии и права (по сравнению с мигрантами, гастарбайтерами, иностранцами) не в силу своих вассальных военно-трудовых повинностей в пользу сюзерена (как при феодализме), но лишь *в силу места своего рождения*. В таких условиях «эти привилегии уже выглядят исключительно как банальный источник ренты» [2. С. 51]. Гражданин уверен, что государство все это ему должно. (Впрочем, сегодня уже мы наблюдаем ситуацию, когда оказывается, что «государство никому ничего не должно».)

Наконец, в грядущем *рентном обществе* отсутствие трудовой идентичности будет *само собой разумеющимся фактом*, а рента в ее многочисленных формах «будет рассматриваться как компенсация за утрату [трудовой] идентичности» [2. С. 283]. Своего положения рантье уже никто стесняться не будет. *«Переход к обществу, в котором большинство открыто стремится стать рантье, если не закономерен, то ожидаем... Есть основания предполагать, что именно это и происходит сегодня»* [2. С. 69]. Различные виды рент будут выглядеть естественными и необходимыми благами, «которыми грех не воспользоваться» [2. С. 32].

Глобальные перспективы рентизации

Хотя «нарисованная картина рентного общества носит гипотетический характер», и оно «еще не стало реальностью» [2. С. 388, 285], исследование развития сквозь призму процессов рентизации позволяет не только увидеть в совершенно новом ракурсе прошлое и настоящее, но и *заглянуть в будущее* [2. С. 27]. *Перспективные альтернативы будущего*, обрисованные в монографии, безусловно, реалистичны. В сложившейся ситуации, в структуре которой нарисованное «рентное общество» занимает свое ограниченное и органичное место, имеется два тренда развития.

Первый путь. Если процесс рентизации продолжится (а эта тенденция радикально усилилась в глобальном масштабе из-за коронавируса), то нас на уровне отдельных государств ждет общество без массового труда и экономического роста, но с иерархией сословно-рентных групп [2. С. 70, 284], среди которых естественное недемократическое государство внеэкономическими методами распределяет ренты и привилегии, а большинство тех, кто не смог встроиться в новые социальные структуры, «с большей вероятностью ждут не комфортабельные социальные пособия, а сокращение... возможностей, прав и гарантий, вплоть до исключения из общества или прямого уничтожения» [2. С. 152]. Такой «неофеодальный» вариант развития вполне вероятен [3]. Уже сейчас налицо формирование неолиберального феодализма как неограниченной диктатуры мировой элиты финансового капитала, основанной на радикальной эксплуатации и цифровом допуске к ресурсам (экономика), диктатуре (политика), тотальном контроле (социальная сфера),

«репрессивно-толерантном» сознании масс (мораль). И вот структуре этого неофеодализма описанные в рецензируемой монографии механизмы рентного общества, ведущие к естественному государству как тотальному дистрибутивному неэгалитарному аппарату, вполне релевантны.

Второй путь связан с противоположной перспективой развития. Исследования (в том числе и авторов рецензируемой монографии) показывают, что в «теле» (пост)современного капитализма постепенно вызревают локусы совсем *других* экономических отношений, новые потребности, которые, в свою очередь, детерминируют новые общественные и межличностные отношения, основанные на доверии, внутригрупповой сплоченности и взаимопомощи, где доминируют *социальные связи как таковые*, а не *социальный капитал*, который надо куда-то «инвестировать», где *экономика* — это хозяйствование, обеспечение жизнедеятельности общества, а не *хрематистика* как обеспечение максимальной выгоды и/или погоня за рентой. Такое постепенно формирующееся общество можно было назвать *неореципрокным сообществом* [4]. В монографии эта *позитивная* перспектива полагается так, что уже само рентное общество рассматривается «как возможная переходная стадия к социализму» [2. С. 378—386]. Если негативный вариант развернется сам собой, то для реализации позитивного тренда потребуются усилия всего мирового сообщества. Нам близок пафос авторов: они считают, что *человечество в силах преодолеть отрицательные тенденции и вызовы рентнизации и сознательно перенаправить их в позитивное русло* [2. С. 282].

Критический анализ концепции

Есть несколько серьезных критических замечаний к предложенной теории, и в первую очередь к ее *концептуальным и методологическим основаниям*. Здесь мы остановимся только на наиболее важных, которые связаны с базовой категорией исследования — *понятием ренты*.

1. *Диверсификация понятия ренты*. Авторы рассматривают ренту в *широком, политэкономическом*, плане, справедливо утверждая, что «экономическая наука как *политическая экономия* исторически являлась политическим мышлением не в меньшей мере, чем *чисто экономическим*» [2. С. 8]. Соответственно и категория ренты в монографии получает *расширительный смысл*.

Сводя воедино определения ренты, данные в монографии, под ней надо понимать *материальные и нематериальные блага, которые получают субъекты* (индивиды, социальные группы, государства, политические сообщества) *за счет своего привилегированного институционального положения в социально-политической структуре* [2. С. 25] *или эксклюзивного доступа к ограниченным ресурсам* [2. С. 74]. Сюда же включается и рента «в обычном смысле — ...некий стабильный доход, не зависящий от трудовых усилий» [2. С. 26]. Таким образом, сюда включаются все доходы, не связанные с трудом и инвестициями капитала,

разного рода преференции и выгоды, определяемые «обладанием» тем или иным привилегированным статусом.

В качестве подобных статусов *на уровне индивидов* выступают *гражданство, географическое место проживания, социальный капитал* — право на социальные пособия, дотации, льготы, жилье, доступ к образованию, здравоохранению, переобучению и иным благам [2. С. 72], *право на безусловный базовый доход*. На уровне *регионов государства, самих государств или политических сообществ* рентогенерирующими факторами выступают, например, особый статус субъекта федерации, положение в мировой системе, обладание высокими технологиями, посредством которых реализуется империалистическая рента.

Из такого понимания ренты авторы делают ряд важных выводов. Несмотря на сокращение массового труда и замедление экономического роста, производство национального богатства не прекращается: теперь в нем участвует небольшая часть населения, а большинство вынуждено искать новые и новые источники ренты. Это в первую очередь относится к прекариату и структурным безработным [2. С. 70]. Но в условиях коронавируса в круг «требующих ренты» втягивается все большая часть населения планеты.

Если мы соберем все виды «рент», которые рассматриваются в монографии, то увидим смешение самых разнообразных явлений:

- *собственно ренты* (доходов с передачи собственности в аренду);
- *других видов доходов* (пособий, льгот, доплат, выплат, «рентных составляющих зарплаты»);
- *привилегий*, связанных с социальным статусом (гендерным, возрастным, статусом гражданина, политического беженца), социально-экономическим положением (как внутри страны, так и государства на мировой арене);
- *прав на все эти социальные (= рентные) льготы: «рентные права и их объем являются производными прежде всего от прав собственности на рентный ресурс — недвижимость, гражданство, принадлежность к привилегированному сословию/группе/сообществу и т. д.»* [2. С. 74].

В свете предложенного прочтения ренты под это понятие и ее механизмы возможно подвести почти *все что угодно*. Рента — не только «любой доход, отличный от трудового дохода и дохода от вложений капитала» [1. С. 84], но и доход арендодателя (классическая рента), и все иные формы нетрудового и непредпринимательского дохода, и социальные пособия и льготы, и права на эти социальные пособия и льготы, и многообразные институциональные привилегии, и даже «*эксклюзивный доступ к ограниченным ресурсам*» [2. С. 74]. Таким образом, здесь смешиваются доходы, их источники, привилегии, права, собственность. Неудивительно, что, исходя из такого широчайшего понимания ренты, авторы находят ее буквально везде.

2. *Расширение числа субъектов ренты*. Радикальное расширение понятия *ренты* выражается и в том, что в качестве *рантье* (рентополучателей) выступают не только *классические рантье* (собственники сдаваемых в аренду объектов и «стригущие купоны», т. е. *состоятельные*

люди), не только *лишенные заработка социальные группы* («лишние люди», постоянно или временно безработные, прекариат, простые тунеядцы, «свободные художники», предпочитающие жить на пособия), не только некое *«нерентабельное население»* [2. С. 169], но и вообще фактически *все трудящиеся*, ибо часть их зарплаты — это «рентная составляющая»; более того, в класс рантье добавляются и *предприниматели* [2. С. 86], и бюрократия, и «сословно-рентные элиты» [2. С. 201]. Субъектами ренты становятся не только индивиды или социальные группы, но и государства, и политические сообщества.

3. *Вопрос о локализации рентного общества.* Возникает закономерный вопрос: локальна или глобальна тенденция формирования рентного общества? В монографии в основном речь идет о *наиболее развитом капитализме* — постиндустриальном обществе [2. С. 85]. Но при этом авторы объявляют о «глобальном рентном порядке», «глобальном рентном капитализме» и «глобальной рентной модели капитализма» [2. С. 73, 79, 86]. В некоторых местах в орбиту рентного общества включаются и индустриальные общества, ибо авторы говорят о рентизации полупериферии и периферии.

Думается, что рентизация — лишь тенденции наиболее развитых капиталистических государств, а для большинства стран перспектива стать рентными обществами нерелевантна: для них нет проблем «лишних людей» из-за технологического замещения живой рабочей силы, поскольку такие «лишние» там были всегда.

Но с другой стороны, коль скоро рентные тенденции фундируются в *планетарном* истощении ресурсов, и если в их орбите (посредством доминирующей роли неолиберального капитализма и его гегемонов) оказывается *весь мир*, то тогда речь идет о становлении некоего глобального общества. В целом в монографии представлен именно этот последний ракурс.

4. *Рентный презентизм.* Столь расширенное понимание ренты приводит авторов к еще одному казусу — *неправомерной исторической экстраполяции*. Чуть ли не на первых страницах монографии формулируется *программное* понимание места ренты в истории: «феномен “погони за рентой” выступает в нашей работе как универсальное явление, пронизывающее всю человеческую историю» [2. С. 25]. В то время как обычно капитализм рассматривается как общество, базирующееся на стремлении *получать прибыль путем эксплуатации наемного труда и непрерывного вложения средств в производственные и товарно-денежные циклы*, авторы считают, что «на самом деле капиталистическое общество еще более рентоориентировано, чем предшествующие, хотя официально поиск ренты в нем предстает как морально и институционально легитимная *погоня за сверхприбылью*. Поэтому погоня за рентой при капитализме вездесуща» [2. С. 38].

Более того, «все виды ренты, по аналогии с земельной, воспринимаются как своего рода дары природы, которыми грех не воспользоваться. Такое отношение к ренте, по-видимому, *характерно для человечества на всех этапах исторического развития*» [2. С. 32].

Наконец, такая историческая вездесущность ренты имеет под собой и *антропологический* базис: «стремление к получению ренты, к жизни на ренту естественно для людей и по мере развития человечества только прогрессирует» [2. С. 388]. Впору вводить новое таксономическое понятие — *Homo renticus*.

Исходя из этих *антиисторических* рассуждений авторов, можно заключить, что их концепция рентного общества основывается на *методологическом презентизме*, когда все прошлое рассматривается как латентное настоящее, а история — как непрерывное высвобождение рентного общества, укорененного в человеческой природе. Именно о таком *презентизме* говорила Э. Вуд в отношении теорий происхождения капитализма. «Как это ни парадоксально, исторические описания того, как возникла эта система, обычно трактуют ее как естественную реализацию вездесущих [ever-present] тенденций... Почти все без исключения рассказы о происхождении капитализма были принципиально круговыми: они предполагали предшествующее существование капитализма, чтобы объяснить его возникновение. Чтобы объяснить... стремление капитализма к максимизации прибыли, они предположили существование универсальной рациональности, максимизирующей прибыль. Чтобы объяснить стремление капитализма к повышению производительности труда с помощью технических средств, они также предполагали непрерывный, почти естественный прогресс технического повышения производительности труда... В большинстве описаний капитализма и его происхождения... нет никакого происхождения. Кажется, что капитализм *всегда где-то есть*; и ему нужно только освободиться от цепей, например, от пут феодализма, чтобы дать ему возможность расти и созреть» [6. Р. 3—4].

Аналогичную ситуацию мы наблюдаем и в авторской концепции: рентное общество как бы всегда было, есть и будет, ибо «стремление к ренте заложено в самой природе человека», а «погоня за рентой пронизывает всю человеческую историю».

* * *

Перечисленные «грехи» вступают в *резкое противоречие с фактическим и аналитическим содержанием монографии*. В ней речь идет не столько о *рентных отношениях*, сколько об отношениях, основанных на *преимуществах и привилегиях*. Более того, описанный выше *рентный презентизм* вступает в противоречие с действительно *исторической* точкой зрения авторов, которая обнаружила себя в анализе *изменений морального отношения к ренте* в связи с *изменениями* в базисных (экономических, социальных) и надстроечных (социально-политических) структурах.

Несмотря на концептуальную и методологическую «рыхлость», книга представляет огромный интерес для изучения современного мира и ростков будущего.

Монография будит мысль, вызывает массу идей, критических замечаний и размышлений. Данная рецензия — непосредственное тому свидетельство.

Литература

1. **Стиглиц Дж.** Люди, власть и прибыль : Прогрессивный капитализм в эпоху массового недовольства. М. : Альпина Паблишер, 2020.
2. **Фишман Л. Г., Мартыанов В. С., Давыдов Д. А.** Рентное общество : В тени труда, капитала и демократии. М. : ИД ВШЭ, 2019.
3. **Kotkin J.** The Coming of Neo-Feudalism. A Warning to the Global Middle Class. N. Y. : Encounter Books, 2020.
4. **Lebowitz M.** Between Capitalism and Community. N. Y. : Monthly Review Press, 2021.
5. **Rona P.** Why Economics Is a Moral Science? // Economics as a Moral Science. Cham : Springer International Publishing, 2017.
6. **Wood E. M.** The Origin of Capitalism. L. : Verso, 2002. ◆